

**КОНЦЕПТОСФЕРА ПОВЕСТЕЙ В. Ф. ОДОЕВСКОГО ОБ ИСКУССТВЕ**

*В статье рассматривается концептосфера повестей В. Ф. Одоевского об искусстве.*

*Концептуальный анализ «Последнего квартета Бетховена» и «Себастьяна Баха», посвященных музыке и музыкантам, позволяет сделать выводы о том, что опора на концепт открывает новые возможности понимания литературы как коммуникативной художественной системы.*

*Ключевые слова:* концептосфера, концепт, вдохновение, безумие, дисгармония, романтическая повесть.

Актуальность поставленной проблемы связана с повышенным интересом ученых различных отраслей знания к проблеме человека. Одним из наиболее интересных путей изучения литературы в философско-антропологическом аспекте, который перспективен и для лингвистов и для литературоведов, является изучение концептосферы художественного произведения, то есть художественного мира произведения «с точки зрения заложенных в нем автором когнитивных культурологических структур», совокупности «художественных концептов, отображающих личностное индивидуально-авторское мировидение» [1, с. 771-772]. В настоящее время все большее число ученых обращает внимание на то, что «опора на концепт открывает новые возможности понимания литературы» как коммуникативной художественной системы [3, с. 11].

По мысли Е. А. Селивановой, «концептуальный анализ представляет собой новый конструктивный лингвистический метод» [6, с. 104]. Исследовательница рассматривает концепт «как информационную структуру индивидуального или коллективного сознания, отражающую их нелинейный психофункциональный континуум, представляющий различные познавательные механизмы (ощущения, чувства, мышление, интуицию во взаимодействии и при поддержке бессознательного) и синергетическую природу» [6, с. 105].

Исследовательница А. Н. Приходько, опираясь на понимание концепта, предложенное В. И. Карасиком (концепт - «многомерное ментальное образование, в котором выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностные стороны» [5, с. 82], предлагает собственную классификацию концептов. Концепт «искусство» в произведениях романтиков и В. Ф. Одоевского в том числе, согласно предложенной ею классификацией, может быть отнесен в группе концептов телеономного порядка, то есть, к высшим духовным ценностям, обра-

зующими и воплощающим для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни - идеал, для которого стоит жить и не жалко умереть. Подобные концепты способны «задавать цель жизни человека за пределами индивидуального бытия». «Отражая смысл жизни человека и представляя собой нечто дорогое или даже самое дорогое», - пишет исследовательница, - «телеономные концепты являются общечеловеческими феноменами с наиболее выраженной ценностной составляющей...» [5, с. 89].

Среди культурных деятелей пушкинской эпохи князю В. Ф. Одоевскому принадлежит одно из самых почетных мест. В эпоху обособления наук он сумел остаться принципиальным энциклопедистом. Это именно русский мыслитель живой всеобъемлющий ум, упрямо стремящийся к воссоединению всех частей знаний. Он был писателем, ученым, философом, педагогом, музыкальным критиком.

Появление в середине тридцатых годов XIX в. целого ряда русских «повестей о художниках» свидетельствовало о стремлении писателей поставить вопросы, особенно близкие литературной теории и практике немецкого романтизма. Исходя из своего представления об искусстве, немецкие писатели-романтики (Ваккенродер, Новалис и др.) утверждали мысль о надмирности художественного творчества, исключительности и избранности художника-творца, дар которого ниспослан свыше, благодаря чему его творчество имеет внеличинный характер.

В связи с этим в художественных произведениях романтиков возникают образы художников как людей необыкновенных, исключительных, в силу своей избранности возвышающихся над обыкновенными людьми, толпой; часто поэтому в повестях романтиков художники изображаются гениальными безумцами, людьми одержимыми

Цель данного исследования: учитывая когнитивную сторону концепта как ментального образования, представить на основе анализа концептосферы повестей «Последний квартет Бетховена» и «Себастьян Бах» выраженную в них авторскую концепцию искусства.

Согласно романтической концепции Одоевского, в музыке заключено самое высокое и самое полное знание. Она имеет дело не с внешним, а с внутренним. Закономерным представляется то, что в романтическом цикле «Русские ночи», посвященном проблемам и путям человеческого знания, последние новеллы — «Последний квартет Бетховена», «Себастьян Бах» - повествуют о музыке и музыкантах.

Примечателен эпиграф «Последнего квартета Бетховена», взятый из «Серапионовых братьев» Гофмана. Он содержит мысль, поясняющую идею цикла «Дом сумасшедших» и вместе с тем поэтику предназначавшихся для него повестей: *«С некоторых людей... природа или особенные обстоятельства сорвав завесу... Они похожи на тех насекомых, с коих анатомист снимает перепонку и тем обнажает движение их мускулов»* [4, с. 118]. Каждый из героев повестей Одоевского о художниках - образ-символ. «Особенные обстоятельства», в которые они поставлены, раскрывают стороннему наблюдателю тайны духовной жизни художника. При этом творческая индивидуальность для автора - лишь средство развить в картине жизни одну из граней своей философии искусства.

В повести «Последний квартет Бетховена» композитор изображен в конце своего жизненного пути. Болезнь до предела обострила его творческое беспокойство, а его разлад с обществом достиг апогея: не только публика, но и люди музыкального мира не понимают его последних произведений.

Смысловой центр повести - монолог Бетховена. В нем раскрываются внутренний мир художника, свойственное ему острое сознание своего творческого предназначения, трагедия его земной жизни. *«...Когда на меня приходит минута восторга, — говорит композитор, - ...я предупреждаю время и чувствую по внутренним законам природы, еще не замеченным простолудинами и мне самому в другую минуту непонятным... целый мир для меня превращается в гармонию, всякое чувство, всякая мысль звучит во мне, все силы природы делаются моими орудиями»* [4, с. 122-123]. В этом одновременно источник счастья и гордости художника, но и его мук: «бездна» отделяет его мысль от «выражения», творца - от внимающих ему и судящих его людей. Поэтому каждое творческое свершение для композитора является звеном в бесконечной цепи мыслей и страданий.

Внутренний мир великого Бетховена, трагедия его жизни - определяет концептосферу произведения. Ведущими оказываются слова и словосочетания, подчеркивающие мятушуюся душу творца, гениальность его безумия: **бесконечные терзания; бездна, разделяющая мысль от выражения; таинственное единство мелодий; минута восторга; запертые в темницу мысли.**

Бетховен у Одоевского - не просто гений, но гений романтический, страдающий, далекий от света и покоя, изнемогающий в вечной борьбе со своим великим даром, гибнущий от невозможности выразить все свои колоссальные замыслы на языке музыки. Это своего рода трагический символ романтизма, его исканий и порывов к высокому.

«Гениальный безумец», Бетховен, - герой не только смятенный, но и не понятый. Его высшее, предсмертное творческое прозрение равносильно творческому «бунту» - оно и обеспечило ему славу «сумасшедшего», предопределив и его трагический конец.

Мастерство Одоевского-повествователя изменялось в его романтических повестях о художниках. О постепенном усложнении творческих задач, которые он перед собой ставил, и метода их разрешения свидетельствует в особенности последняя из повестей, вошедших в «Русские ночи», - «Себастьян Бах».

В Бахе нет бетховенской мятежности, нет и мистического раздвоения личности, в нем, в отличие от всех остальных героев произведений Одоевского о художниках, все - высшая гармония и покой: и дух, и творчество, и личность. Ему, как и Бетховену, открыты и подвластны самые высокие сферы духовной жизни, но он царит там величественно и спокойно, равнодушный к признанию, к мнению «толпы».

Прошлое и будущее искусства, которому служил Бах, в повести символически представляют разные типы людей искусства. Первый из них воплощен в старшем брате Баха - органисте Христофоре. Это благочестивый носитель старых традиций своего ремесла, которое он оберегает от вторжения любых новшеств. Противоположностью ему является органичный мастер - «странный человек» Иоганн Альбрехт. В этом произведении именно ему принадлежит высокое

имя «безумца». Именно он, а не Бах, мучим важными для всех персонажей «Дома сумасшедших» трагическими вопросами бытия. Встреча с Альбрехтом . решающее событие для самоопределения Баха. Бескорыстный художник, он видит в музыке стихию, приближающую человека к божеству, а во всяком «усовершенствовании орудий сего дивного искусства» - новую победу человеческого духа. Благодаря своему «безумию», острому творческому чутью, прозревает Альбрехт в своем исправном ученике великого музыканта. Он открывает Баху глаза на его истинное призвание. «На Баха как бы ложится ответ... творческого «безумия», уловленного и воспринятого им. но гениальный ученик идет дальше своего талантливового учителя... Он осенен «религиозным вдохновением», чуждым мятежных страстей вдохновением, горевшим в нем ясным, незатухающим пламенем» [7, с. 261].

Себастьян становится великим музыкантом, но его гениальная музыка имеет и свой предел. И жизнь, и искусство Баха - «величественная мелодия», «тихая и безмолвная молитва», где нет места мятежным и грешным земным страстям. Новый тип искусства идет на смену музыке Баха. Обращенное не к Богу и вселенной, а к человеку и миру страстей, его представляет певец-итальянец, появление которого разрушает строгую гармонию жизни композитора.

Трагедия Баха в том, что он «...знал только одно в этом мире - свое искусство: все в природе и жизни - радость, горе — было понятно ему только тогда, когда проходило сквозь музыкальные звуки: ими он мыслил, ими чувствовал, ими дышал ... все остальное было для него не нужно и мертво» [4, с. 172].

В повести Одоевского о Бахе композитор страдает именно потому, что всю свою жизнь посвятил музыке, превратившись в церковный орган и забыв о простых чувствах, о человечности. Эта односторонность Баха является формой безумия. Писатель, всю жизнь чтивший великого композитора, осмелился тем не менее сказать, что в его гениальной музыке нет человека и что она напоминает библейскую легенду о величественном полете творящего духа над безжизненными водами. И в обеих повестях Одоевский подчеркивает роковую неполноту жизни своих персонажей. Одинокий, ослепший, Бах смутно прозревает перед смертью истинный смысл человеческой жизни. Конец его воистину трагичен: *«окруженный вечною тьмою, он сидел, сложив руки, опустив голову - без любви, без воспоминаний...»* [4, с. 181].

«Судилище», завершающее «Русские ночи», является тем общефилософским аспектом, в свете которого великий Бетховен может быть поставлен рядом с шутом во фризовой шинели. «Опыт жизни каждого из героев Судилище воспринимает как доказательство от противного», - отмечает М. А. Бенькович [2, с. 41]. Его приговоры опровергают «тезис жизни» каждого из подсудимых, вскрывая в то же время относительность всякого одностороннего решения. Бетховену, «изнемогшему недоговоренным чувством» [4, с. 191], оно объясняет, что жизнь принадлежит ему, человеку, а не чувству. А Баху, отдавшему искусству всю свою жизнь, все семейные радости, заявляет: *«Жизнь твоя принадлежала искусству, а не тебе!»* [4, с. 192].

Истории "великих музыкантов, завершающие цикл «Русские ночи», представляют собой ряд героических и одновременно трагедийных повествований. Герои этих историй более других заслуживали полноты жизни, сознавали ее не-

обходимость. но она оказалась для них недостижимой. В этом и была их трагедия.

В основе «Русских ночей» лежат вечные вопросы о смысле жизни, об отношении человека с миром. Одна и та же тема - столкновение личности, стремящейся к целостному, свободному самораскрытию, с косной, раздробленной действительностью - является ведущей. На разном жизненном материале раскрывается мотив безумия человеческого существования. У Одоевского все время повторяется мысль о дисгармоничности бытия, о трагической разорванности сознания, порождающей неблагоприятные судьбы. История каждого из героев как бы дополняет то, что отсутствовало в другой. Каждый из героев потерял какую-то часть души, необходимую для полной гармонии. В повестях, входящих в цикл, воплощены разные типы духовной глухоты, роковой неспособности уловить жизненный ритм, губящей не только героев, но и целые цивилизации. И потому перед читателем возникает отчетливая объективная картина социальной и духовной дисгармонии.

Внутренний мир человека, интересующий В. Ф. Одоевского в произведениях о художниках, становится неотъемлемой частью общей концепции гармонии, которая призвана соединить искусство с жизнью и доказать существование эстетического начала в человеке.

### Литература

1. Адамова В. С. Понятие «концептосфера» в когнитивном литературоведении / В. С. Адамова // Изменяющаяся Россия и славянский мир : новое в концептуальных исследованиях: [сб. ст.]; отв. ред. М. В. Пименова. - Севастополь : Рибэст, 2009. - С. 769-772.
2. Бенькович М. А. Автор и Фауст в «Русских ночах» В. Ф. Одоевского / М. А. Бенькович // Из истории русского философского романа. - Кишинев : Штиинца, 1991.-С. 35-49.
3. Зусман В. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка/ В. Зусман - Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2001. - 168 с.
4. Одоевский В. Ф. Собр. соч. : В 2 т. / В. Ф. Одоевский. - М. : Художественная литература, 1981. - Т.
5. Приходько А. Н. Типы и классы концептов / А. Н. Приходько // Новое в славянской филологии : [сб. ст.]; отв. ред. М. В. Пименова. - Севастополь : Рибэст, 2009.-С.81-93.
6. Селиванова Е. А. Концептуальный анализ : проблема модели/ Е. А. Селиванова // Новое в славянской филологии : [сб. ст.] ; отв. ред. М. В. Пименова. - Севастополь : Рибэст, 2009. - С.103-110.
7. Турьян М. А. Странная моя судьба... / М. А. Турьян. - М.: Книга, 1991. -399 с.

### Морева Т. Ю. Концептосфера повістей В. Ф. Одоєвського про мистецтво

У статті розглядається концептосфера повістей В. Ф. Одоєвського про мистецтво. Концептуальний аналіз «Останнього квартету Бетховена» і «Себастьяна Баха», присвячених музиці та музикантам, дозволяє зробити висновки

*про те, що опора на концепт відкриває нові можливості розуміння літератури, як комунікативної художньої системи.*

**Ключові слова:** *концептосфера, концепт, натхнення, божевілья, дисгармонія, романтична повість*

**Moreva T. Y. Sphere of concepts in short novels by V. F. Odoevsky on art**

*The article brings into focus the sphere of concepts in the short novels by V.F. Odoevsky on art. A detailed conceptual analysis of "The Last Quartette" and "Sebastian Bach" dedicated to music and musicians allows making a conclusion that drawing on a concept opens new possibilities of understanding literature as a communicative artistic system.*

**Key words:** *Sphere of concepts, concept, inspiration, frenzy, disharmony, romantic short novel.*